

KIRÁLY PÉTER 100

TANULMÁNYKÖTET
KIRÁLY PÉTER TISZTELETÉRE II.

OPERA SLAVICA BUDAPESTINENSIA
SYMPOSIA SLAVICA

KIRÁLY PÉTER 100
TANULMÁNYKÖTET
KIRÁLY PÉTER TISZTELETÉRE II.

Szerkesztette
Császari Éva és Mária Imrichová

ELTE BTK
Szláv Filológiai Tanszék
Budapest, 2019

A KIADVÁNY TÁMOGATÓI
Szent Adalbert Közép-
és Kelet-Európa Kutatásokért Alapítvány

SZAKMAI LEKTOROK

Bańcerowski Janusz
Lukács István
Ivor Ripka
Marta Součková
Szabó Tünde
Zoltán András

MŰSZAKI SZERKESZTŐ ÉS TÖRDELŐ
V4 Consulting Kft.

© Szerzők

A KIRÁLY PÉTER 100 nemzetközi tudományos
szlavisztikai konferencia hazai és külföldi előadói

Kiadja az ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék
Felelős kiadó a Szláv Filológiai Tanszék vezetője
Sorozatszerkesztő: Lukács István
A borítót tervezte: Sellyei Tamás Ottó
Nyomdai kivitelezés: Robinco Kft.

ISSN 1789-3976

ISBN 978-963-489-066-9

2. KÖTET TARTALOM

KULTÚRATUDOMÁNY

DZIEWOŃSKA-KISS DOROTA: Węgierskie kulinaria w książce Krzysztofa Vargi pt. <i>Gulasz z turula</i>	9
TEREZA HEJDOVÁ: K pravopisu díla Pavla Židka <i>Jiří(ho) Spravovna</i>	20
HANA HRANCOVÁ: Maďarský prvok v prácach Anny Horákovvej-Gašparíkovej	28
PETER KÁŠA: Regionálne, národné a štátne (otázky formovania kolektívnych identít v Uhorsku v diele Pétera Királya)	37
IVANA KLABNÍKOVÁ: Zochovo slovo za slovenčinu a oravskí prívrženci	47
LEBOVICS VIKTÓRIA: Az ukrán szak újraindítása az elté-n a XX. század 60-as éveiben	55
LUKÁCSNÉ BAJZEK MÁRIA: Kossics József a muravidéki szlovén nyelvtani terminológia megteremtője	66
MENYHÁRT KRISZTINA: Illés próféta kultusza a bolgárok, a magyarok és a bolgárkertészek körében	76
KATARÍNA MIKULCOVÁ: Jazykový obraz chuťových vlastností slovenského vína	89
JANA PÁTKOVÁ: Stereotypy v zobrazování (národního) jazyka na příkladu obrozenského cestopisu J. M. Hurbana	100
PATRIK ŠENKÁR: Historizmus a život mikrospoločnosti vo vecnej spisbe nadlacksých Slovákov	111
ALŽBETA UHRINOVÁ: Prehľad slovenských lingvistických publikácií v Maďarsku v rokoch 1989 – 2016	125
VÁRNAI DOROTA: Polacy na Węgrzech. Kultura i język Denczan	136

IRODALOMTUDOMÁNY

БУРА ІРИНА: Мотив ініціації у повісті докії гуменної «Не- бесний змій»	143
MIROSLAVA GAVUROVÁ: Lúbostné a erotické motívy v nářečových piesňových textoch z obce Fintice v regióne Šariš.....	152
AGNIESZKA JANIEC-NYITRAI: O tym, co niezbyt istnieje. relacje temporalne w esejach podróżniczych z tomu <i>Wschód</i> (2014) Andrzeja Stasiuka	164
ДЬЁРДЬ ЗОЛЬТАН ЁОЖА: Концепция Горького о разрушении индивида и судьба «лишнего человека». на матери- але повести «Жизнь ненужного человека»	175
ЮЛЯ ЮСИП-ЯКИМОВИЧ: Шляхи лінгвалізації акустичного світу в слов'янських поетичних текстах епохи літературного модернізму (кінець XIX –початку XX ст.)	188
MILAN KENDRA: ‚V pravde ducha‘. Idea vlastenectva v nesko- roromantickej poézii P. Országha	199
KISS SZEMÁN RÓBERT: Eszmei koncepciók alakváltozatai Ján Kollár gondolkodásában. Hungarizmus – pánszláviz- mus – csehszlovakizmus	209
KRYSTYNA KUZNIETSOVA: Kdo jsou ti Ukrajinci? Hledání iden- tity a prolínání žánrů v románě Maxyma Dupeško <i>Prí- běh důstojný celého jabloňového sadu</i>	219
OLGA MACÍČKOVÁ (SHYTOVA): Музичні образи в прозових творax Гната Хоткевича «Галичанського періоду» ...	229
PAVOL MARKOVIČ: Národopisné a editorské aktivity Jána Kol- lára v kontexte poetologických systémov klasicizmu a romantizmu	242
MÉSZÁROS ANDOR: A csehszlovakizmus gondolatának nyelvi alapjai	252

NORA NAGYOVÁ – ZVONKO TANESKI: Téma národnej identity a prvky existencializmu v dráme Jordana Plevneša „R“ (dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch)	261
OKSANA TYKHOVSKA: Archetypical imagery of beliefs and traditions connected with hunting in the frame of Carpathian Region	270
ANNA ZELENKOVÁ: Slovenská literatúra v koncepcii Jana Jakubca (celoživotný záujem o Jána Kollára)	281
Király Péter életrajza	290
Životopis Pétra Királya	293
Curriculum vitae of Péter Király	296
BOGDÁN ZSOMBOR: Bibliográfia	299

КОНЦЕПЦИЯ ГОРЬКОГО О РАЗРУШЕНИИ ИНДИВИДА И СУДЬБА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА». НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЖИЗНЬ НЕНУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

ДЬЁРДЬ ЗОЛЬТАН ЙОЖА

*Eötvös Loránd Tudományegyetem, Bölcsészettudományi Kar,
Szlav és Balti Filológiai Intézet, Orosz Nyelvi és Irodalom Tanszék
jozsagyz@gmail.com*

Abstract: The article below sums up results of research done into the Gorky's 'Life of a Useless Man'. Discontent with the lack of the hero in fiction in Russian literature, Gorky in his Capri Lectures on the History of Russian Literature revisits the history of Superfluous Man and invents a plot having the protagonist condemned to death. The figure is integrated in a context of literary survey of the type as well as the religious doctrine of collectivism oriented to the annihilation of the self. The protagonist also displays features of narcissism, thus serving as an alter ego of the artist.

Keywords: Superfluous Man, individualism, narcissism, Gorky, Russian novel

В предлагаемой статье делается попытка осветить историко-литературный фон оформления горьковского «лишнего человека», нагляднейшим образом воплотившегося в протагонисте повести «Жизнь ненужного человека», написанной в 1907 г., в каприйский период. Из многочисленных факторов, определивших замысел и идейное содержание, мы сконцентрируемся на образе центрального персонажа Климова, не касаясь реалий исторических событий эпохи и личной судьбы писателя, входивших в сюжет. Мы рассмотрим этого героя в свете его диалога с литературной традицией изображения типа «лишнего человека» и на аспектах появления данного типа в контексте христианско-утопической доктрины «богосторительства», всецело заволабовавшей писателя после появления в свет романа «Мать». Согласно выводу Д. В. Филоsofoва, сформулированному в статье 1907

г. (периода возникновения повести), именно успех этого романа принес Горькому конец творческих начинаний (ср. ФИЛОСОФОВ 1997а). На наш взгляд, кризис Горького несомненно ощутим в мрачной атмосфере повести, Климова в какой-то степени можно рассматривать как отражение в кривом зеркале оказавшегося в роли «лишнего писателя» Горького. Другая статья Филоسوфова, названная «Горький о религии», оценивает проповеднический путь Горького как «идиллическую религию без бога» (ФИЛОСОФОВ 1997в: 719). Разбирая странную амальгаму идей, составляющую текст статьи Горького «Разрушение личности», можно проследить, как примат утопической идеологии, вкрадываясь в поэтику, приведет к нарушению равновесия формы и содержания. Более того, сама онтология личности в горьковской иерархии ценностей ставится под вопрос, как это и констатирует мыслитель: «Странная вещь. Горький, отрицая бессмертную абсолютную личность, тем не менее не мог искоренить в себе жажду ее бессмертия и подменил ее суррогатом веры в будущего сверхчеловека» (ФИЛОСОФОВ 1997в: 722). В созревании горьковской мысли особым этапом предстает поэма «Человек» (1903), за генезисом которой скрывается воздействие «Трагедии человека» И. Мадача (WALDAPFEL 1958: 8–11, 22–37), внушающей своим финалом скудный детерминизм, бессмысленный круговорот истории и неизменность человеческой природы.

Однако, в гармонии с принципом «генетической памяти литературной формы»¹ в повести «Жизнь ненужного человека» протагонист сохраняет следы духовной вертикали, закодированной в типе «лишнего человека».

При конструировании фигуры Климова Горький безусловно во многом опирался на традицию, достигшую своей вершины в романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Имя центрального персонажа Иудушки, наряду с намеком на Каинов грех, выдвигает тему предательства, затем

1 Вслед за теорией С. Бочарова о «генетической памяти литературы» и «творческой памяти», изложенной в отдельной монографии (БОЧАРОВ 2012: 7–44), мы предполагаем, что данная категория применима и к формальным признакам артефакта, в том числе – к конструированию литературного персонажа.

обыгрывающуюся в сложной религиозно-философской повести Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907).

Судьба Евсея Климкова, осиротевшего в возрасте 7-и лет и полностью лишённого каких-либо импульсов, эмоциональных переживаний, интимности или впечатлений, детерминированного конфликтами с грубой средой, которым герой-одиночка неустанно подвергается в школьные годы и в ранней юности, под пером Горького рисуется как канва событий, ограниченная показом этапов «рабочей карьеры» героя. В повести мы встречаем отход от привычного горьковского сюжета. Как правило, в судьбе персонажей–«босяков» грани быта никогда не преодолеваются. Впрочем, обрисовка их душевного склада содержит бледные контуры их предыстории, в которой порою появляются высшие моменты просветления, когда им предоставлен шанс переживать необыкновенные события, возвышающиеся над сферой будней, понимаемой как закономерность мрачности бытия. Однако, в повести «Жизнь ненужного человека» трактовка биографии протагониста жестко и сухо реализуется в схеме продвижения через этапы жалкой, мизерной рабочей карьеры.

Безысходность, общественный детерминизм, диктуемые исключительно неблагоприятным общественным устройством согласно идеологии, усвоенной Горьким, как бы роковым образом предопределяют пустую схему становления бесхарактерного главного персонажа повести, который, добившись статуса шпиона, кончает самоубийством, совершаемым им вовсе не по угрызению совести, а скорее – по слабой воле и по причине осознания бесцельности собственного существования.

В лице Евсея Климкова на самом деле мы имеем дело с уникальным типом нарцисса, не очень дальнего потомка дворянского рода Печориных и Чулкатуриных. В случае Климкова постоянная обида приводит к изолированности, зато нарциссическая личность как бы лишена типичной для нее одержимости чувством своей грандиозности. Пошляк Климков находит убежище в кругу шпионов, вершащих судьбами часто невинных жертв преследований и репрессий, без вины обвиняемых и преследуемых. В аппарате

этого произвольного преследования, в безопасном силовом поле, над которым покровительствует государственный механизм, понятия этического выбора не существует. Хотя ностальгическими моментами жизни являются воспоминания о материнских сказках, и фантазии, возбуждаемые памятью о церковных хорах и службах, Климков еще в детстве питает надежды, что «он увидит что-то непохожее на жизнь в селе», «его сердце» пребывает в «жутком трепете ожидания», ему больно, когда к нему приходит осознание, которым он делится с опекающим его дядей Петром, что его «все обижают» (8, 14)².

Выбирая окончательное название для своей повести (раньше согласно его интенции произведение получило бы название «Шпион»), Максим Горький двусмысленно апеллирует к традиции «лишнего человека», прототипом которого сиздавна принято было считать Онегина Пушкина. В первую очередь, жест трансформации словосочетания «лишний человек» в «ненужного человека» свидетельствует об открытой полемике и связывается в случае Горького с поисками «героя» (СЕРМАН 2013: 220).³ Во-вторых, «демократизация» литературного термина подтверждает и протест автора против новых тенденций в литературе современности, устремленных к провозглашению духовных ценностей искусства и вычеркиванию традиционного симбиоза между публицистикой и критикой, который провозглашал преимущество принципа «служения пользе общества». Заметна и модификация типа, в повести же Горького «лишний человек» адаптируется через лишение его барского статуса. Сироту, племянника кузнеца Петра, прозванного товарищами по школе «Старичком», в финале Горький беспощадно казнит, ибо вместо солидарности к ближнему антигерой выбирает путь эгоизма. Смерть Климкова прямо приходит

---

2 Ссылки на тексты Горького, вошедшие в «Собрание сочинений», даются в скобках с указанием на том и страницы на основе издания ГОРЬКИЙ 1949–1956.

3 Венгерский специалист в обзорной статье о романном герое в русской литературе 19 в. предупреждает, что «нового романического героя» Горькому «также не удалось создавать», герои рассказа «Старуха Изергиль» – «скорее эпопейны и аллегоричны, чем романистичны» (КИРАЙ 1973: 135).

как наказание в отличие от судьбы, ожидающей скитальца-Онегина. В основном развязка, замышленная Горьким, далека от велений или предубеждений религиозной морали, вопреки факту, что – как об этом речь пойдет в дальнейшем, – вопрос о религии в период написания повести имеет первостепенную важность в размышлениях писателя. Все-таки, нельзя не заметить, что участь Климкова в некоторой степени вписывается в духовный аспект парадигмы, изреченной Достоевским, который по поводу эгоизма «лишнего человека» переставляет акцент на сферу потустороннего: через фигуру Онегина – говорит Достоевский – русский человек осознает, что «на этом свете ему нечего делать» (ДОСТОЕВСКИЙ 1979: 10–12).⁴ Рискнем сказать, что в судьбе Климкова доминирует роковая наследственность, зашифрованная в литературных образах «лишних людей». Подобно тому, как согласно уравновешенным, но искренним высказываниям Бунина, сохранившимся в его некрологе о Горьком, который некогда бестактно констатировал в личном разговоре, что тип дворянского писателя обречен на вымирание, Горький повестью «Жизнь ненужного человека» выносит приговор над традиционным литературным типом. Повторяем, трансформация слова *лишний* в эпитет *ненужный* свидетельствует не о диалоге, а – о разрыве с традицией, о прекращении диалога. Если учесть, что фигура «лишнего человека» нередко являет собой ряд примет патологического нарциссизма, для которого характерна и неспособность к диалогу, то не составляет труда увидеть аналогичность душевного склада Климкова.

В случае горьковского персонажа следует взвешивать стремления автора опираться на филологический метод, контаминируемый со смысловой аурой идей «богостроительства». Ведь время работы над текстом повести совпадает с циклом лекций на острове Капри, из которых явствует, что Горький добросовестно и подробно проштудировал, и по-своему переосмыслил процесс становления и эволюцию типа «лишнего человека». Доныне малодоступный текст лекций, читаемых перед узкой публикой, отдельным

4 Все курсивы в тексте, кроме специально оговоренных – Д. З. Й.

изданием увидел свет в результате редактирования «черновых конспектов» только в конце 1930-х гг. под названием «История русской литературы» (ср. прим. к ГОРЬКИЙ 1953: 322). В главе, подытоживающей литературную и политическую деятельность Герцена, многочисленные пассажи посвящены как раз трактовке и оценке фигуры «лишнего человека». Принципиальным кажется вывод, бросающий в какой-то мере тень амбивалентности на замысел повести «Жизнь ненужного человека». Ибо, решительный шаг, – как объясняет Горький, – начала которого прокладывают Кропоткин и Толстой в форме анархизма, и который доводится в детронизации личности, симультанно ставит точку в истории «лишнего человека»: «Итак, „лишние люди“, „умные ненужности“ сошли со сцены, как об этом прозвонил „Колокол“ Гер[цена] еще в [18]59 г[оду]...» (ГОРЬКИЙ 1953: 256). По сути дела, здесь налицо мысль о вымирании данного литературного персонажа. Далее, в ракурсе опыта герменевтического истолкования повести «Жизнь ненужного человека» с акцентом на факте колебаний автора между вариантами названия произведения бросается в глаза, что эпитет «лишний» и слово «ненужный» несомненно сливаются в сознании автора. К разъяснению вопроса о возникновении типа Горький приступает вводом цитаты из Маркса касательно тяготения русского дворянства к «гурманскому» наслаждению «самым крайним, что дает запад»: Горький же видит причины скорее в «необходимости», которая «толкала людей от признания всей действительности разумной до отрицания всего действительно ценного» (ГОРЬКИЙ 1953: 254). Мимоходом необходимо зафиксировать, что для достоверной оценки и интерпретации концепции Горького о развитии «лишнего человека» и собственного варианта, воплощенного в фигуре Климова, исследователь вынужден считаться с жестом писателя намекнуть на тождество фигуры Бельтова с автором Герценом (эту мысль Горький впоследствии уточнит). В систематично аранжированной аргументации Горького изуверски отвергаются атрибутируемые «лишнему человеку» отдаленность от общественности

и чрезмерное самоцельное женолюбие. В то же время категоризируемый в прочтении Милюкова под более сдержанным термином «слабый человек» литературный персонаж, у Горького располагает чертой активности: «Печорину и Онегину чужды, т[ак] н[азываемые], социальные вопросы, они живут узко-личной жизнью, они оба сильные, хорошо одаренные люди и поэтому не находят себе места в о[бще]ст[ве]». И далее: «Печорин и Онегин заняты исключительно вопросами о женщине как о любовнице», об «источнике наслаждения». Фигуру герценовского Бельтова Горький в этом отношении приветствует как поворотный пункт, объясняя, что он отличается своей «одинокостью» и «бессильностью в болоте жизни, враждебной» ему (ГОРЬКИЙ 1953: 248–250). Бельтову, воспринимаемому как предтеча «передовой» интеллигенции, Горький с сочувствием симпатизирует, ибо – подобно ему самому – Бельтов лелеет надежды на осуществление «культурных планов» (ГОРЬКИЙ 1953: 251), типа «просветительских» амбиций Горького. В этот период брожения мысли Горького и выработки партийной доктрины богостроительства особенно важную роль получают две выдержки из главы «*Omnia mea mecum porto*» из кн. «С того берега» Герцена, сконцентрированные на понимании конфликта между интересами индивида и коллектива, где «добровольное рабство», нравственный фундамент всех религий, – как объясняет Горький, – равнозначно ограничению эгоизма: «Всего меньше эгоизма у рабов [...]» (ГОРЬКИЙ 1953: 255). Если фигура «лишнего человека» имманентно ассоциирована с дилеммой разграничиваемости индивидуализма и эгоизма, то оправдание Горьким трактовки герценовских воззрений на отношение между индивидуализмом и религией в рамках анализа «лишнего человека» несомненно наводит на мысль о закодированных в этом литературном персонаже духовных аспектах.⁵

---

⁵ Хотя Кропоткин с тревогой констатировал еще ок. 1902 г. рост эсхатологически настроенных сект, видя в них опасность «слепого послушания», созданием системы «богостроительства», этого варианта «всемирной» веры будущего революционные круги лишь сделали тактический шаг с целью облегчить задачу распространения социализма и принятия его народом.

Следует подчеркнуть, что Горький отнюдь не в первый раз обращается к разработке данного персонажа: в своей книге «История русской общественной мысли», опубликованной 4 годами позже выхода в свет повести Горького, Иванов-Разумник в главе, целиком отведенной осмыслению феномена «лишнего человека» в русской литературе и ментальности, почему-то вовсе не касаясь этой повести несмотря на ее кричащее название, практически причисляет всех горьковских героев к типу «лишних людей». На радикальную смену того традиционно изображаемого аристократа (Чацкого, Онегина, Печорина, Бельтова), дворянина (князя Мышкина), разночинца (Раскольников), старосветского, провинциального помещика (Обломова), не говоря о героях мещанского происхождения, которыми пестрят драмы Чехова, переделывающего этот тип в фигуры малоимущих городских мещан в миниатюрной юмореске «Лишние люди», приходит горьковский «босьяк». Стоит посему остановиться на любопытном замечании интерпретатора, разоблачившего сходство горьковских героев с типом «лишнего человека», ведь Горький рисует нам «людей, неудовлетворенных настоящим и вечно алчущих лучшего или худшего», вот почему Иванов-Разумник без оговорки классифицирует их «лишними людьми конца XIX века» (ИВАНОВ-РАЗУМНИК 1911, 2: 415). Причем следует акцентировать, что, четко очерчивая фазы эволюции трактуемого нами литературного типа у Горького, начиная с Фомы Гордеева, через типы «промежуточных» фигур, вплоть до «сильных героев», появившихся один за другим с генезиса повести «Старуха Изергил» (1895), Иванов-Разумник молчанием обходит интерпретируемую нами повесть. Мыслитель и критик указывает на параллелизм с Лермонтовым, чьи герои – «сильные и слабые в одно и то же время» (ИВАНОВ-РАЗУМНИК 1911, 2: 415–428) – могли служить образцом для оформления горьковских персонажей.

Момент «промежуточности», комбинируясь в творческом сознании Горького с «ультра-индивидуализмом», экс-

---

Взявший свою судьбу и судьбу земли в свои руки человек (подобно модели Чернышевского), как исследовательница предупреждает, есть «своеобразная мутация сверхчеловека Ницше» (НЕТЕНЬИ 1995: 95).

плицитно выдвигающимся в психологизирующей обрисовке фигур, сигнализируют тот критический поворот, который стоит за генезисом данной повести. Ибо нельзя игнорировать, что дата ее возникновения совпадает с периодом генезиса идей, выработанных «каприйской школой», повесть пишется в период между разгаром неутолимого, чопорного пролетарского гнева романа «Мать» и философствующим тоном повести «Исповедь», в которой писатель подходит к проповедыванию нового типа религиозного сознания (зародыши его, выпукло выражаемые в образе странника Луки, свидетельствуют о том, что, несмотря на свою враждебность к богоискательствам декадентов, и на собственное намерение инициировать полемику с ними, Горький по-своему кокетничает с темой, и – как можно предполагать, часто по причинам прагматического разряда, – старается соединять социальную утопию с теорией «богостроительства», в частности выработанного Луначарским на страницах созданного им самим двухтомника, опубликованного под названием «Религия и социализм». Эту небрежно построенную доктрину, воспользовавшуюся и современной конъюнктурой религиозно ориентированной литературы, и смутой, вызванной разногласием полемизирующих лагерей интеллигенции и других слоев общества, историк литературы В. Б. Михайловский прямо-таки называет «новой религией» (МИХАЙЛОВСКИЙ 1964: 290))⁶.

---

6 По поводу анализа «Окурова» К. Чуковский, узрев в образе городка уменьшительное зеркало России, саркастически разоблачает схематизм мысли Горького о «ненавистном ему индивидуализме», первопричине «зла», «несчастья, мерзости, пагуба». При этом Чуковский приводит тот же ответ из статьи «Разрушение личности», где индивидуализм очерчивается как всеобщий виновник, причина «психических заболеваний», неудачи «интеллигентских колоний» и разложения «современного государства» (ЧУКОВСКИЙ 1997: 834). Бичевание индивидуализма в случае Горького Мережковский считает и политической программой, и стремлением к полной атрофии автономности личности: «У Горьких как бы вовсе нет лица; лицо как у всех собирательное, множественное, всенародное» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1997: 845). Амбивалентность, если угодно, – раздвоенность сознания Горького-выходца из народа и Горького-интеллигента состоит в двоякой позиции утверждения *versus* отрицания Бога (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1997: 846–847), она как мотив автобиографического типа симметрично доминирует в контрастировании мировоззрений зрелого и детского «я» Климкова.

Следы этой доктрины преподнесены в донельзя развернутом виде, на теоретическом языке в статье «Разрушение личности», написанной, по всей вероятности, в начале 1908 г., хронологически чуть ли полностью совпадавшей с генезисом повести «Жизнь ненужного человека». Статья, в свою очередь в основном приветствующая разрушение как преддверие рождения нового, в этом плане исходит из слишком знакомой, ложной и банализованной концепции. Она любопытна уже из-за эклектичности своей и нагроможденного в ней широкого материала, черпаемого из самых различных областей знаний, отраслей наук, – гуманитарных и естественных, не говоря о примерах, взятых из различных видов искусства. Горький не без таланта подхватывает воззрения современников и достижения науки в области раскрытия архаического сознания, чтобы потом категорически возвести крайности индивидуализма к появлению религии и ритуала. Он выявляет: религия на заре пробуждения сознания человечества равна поэзии в силу заключающейся в ней тенденции проявлять продукты творческой фантазии человека (в этом можно узреть смутные аналогии со взглядами символистов-декадентов, некую увлеченность фактом генетической связи между религией и поэзией). Низводя сакральное, Горький, однако, говорит, что поэзия в виде сказок и эпосов лишь создает и воспекает под эгидой человеческой «гордости» и «желания новых побед» «эпическую личность», чтобы вконец поставить ее «против богов или рядом с богами» (24, 26). Делая краткий экскурс, мы подчеркнем, что Горький, как и по поводу разбора герценовских размышлений о понятии и назначении индивида в «Лекциях о русской литературе», здесь поневоле ставит фигуру «лишнего человека» в контекст возникновения его из стремления индивида переопределить свое отношение к Богу (на данный вопрос более конкретный ответ впоследствии предлагается М. Булгаковым). В силу этого отмеченная Горьким «гордость» перекликается с проблемой индивидуации, главенствующей мыслью Герцена. Так, в результате этого бунта, – продолжает Горький, – народ «ощущает» свою «силу», призна

есть нечто иное, как начало, генерирующее караемый индивидуализм. (Здесь очевидна бессознательная рефлексия на учения знатока древних культов, Вяч. Иванова. Идея священной «соборности», которую Иванов возводит к культам дионисийского оргиастического отступления, объединявшим индивидов в коллективное через переживание непосредственного контакта с трансцендентным, здесь выворачивается наизнанку.) В данном контексте важно заметить, что Горький говорит отнюдь не о современном кризисе индивидуализма, ибо мысль его нередко обладает «метафизической» перспективой (СИЛАРД 1974: 64). Эксплицитным выявлением такой позиции Горький отделяется от проповедуемой им некогда веры в сильного человека. Согласно его определению, индивидуализм влечет за собою жажду власти, индивидуалист есть богоборец, отрицающий сверхъестественную силу трансцендентного. Горьковская критика религии в этом пункте неожиданно смягчается, приближаясь к амбивалентному заступничеству за божество: «В своем стремлении к власти индивидуализм был вынужден убить бессмертного бога, опору свою и оправдание бытия своего, с этого момента начинается быстрое крушение богоподобного одинокого „я“, которое без опоры на силу вне себя не способно к творчеству, то есть к бытию, ибо бытие и творчество – едино суть» (24, 31).

В архиве Горького хранится апология ключевого значения по поводу религиозности, затронутой им в повести «Исповедь»: «Я – атеист. В Исповеди мне нужно было показать, какими путями человек может придти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира... Герой Исповеди понимает под „богостроительством“ устройство народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по пути к единой цели освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» (8, 504).

Конец индивидуализма как такового, резко противостоящего коллективизму русской культуры, Горький приветствует как пришествие чаемой эры реализации социального равенства, а фигуры «лишних» персонажей, как об этом

сказано выше, нередко ассоциируются с нарциссизмом. Боец за новый порядок Горький, мечтающий в этот период о рождении светлого сверхчеловека, на взгляд одного из немногочисленных толкователей повести «Жизнь ненужного человека», при выработке мотивировки событий, определяющих судьбу Климова, якобы вполне отрицает свободный выбор человека. Вследствие этого деградируется естественная мораль и этика путем утверждения абсолютного господства «общественного детерминизма»: драма антигероя – результат его безволия, ибо «он попал в охранку не по доброй воле» (ЧЕРВЯКОВСКИЙ 1981: 81). Однако, раздвоенность Климова как результат внутреннего конфликта шпиона между наслаждением собственной властью и подлым статусом предателя, далеко выходит за рамки социально-морального конфликта. Она психического характера, и коренится в неспособности нарцисса преодолевать грань между собственным «я» и «Другим».

Список использованной литературы

- БОЧАРОВ С. Г., 2012: *Генетическая память литературы*. Москва: Российский государственный университет.
- ГОРЬКИЙ, М., 1949–1956: *Собр. соч. в 30-и тт.* Москва: Гос. изд. художественной литературы.
- ГОРЬКИЙ М., 1953: О русской литературе. *Герцен в русской критике*. Москва: Гос. изд. художественной литературы. 248–257.
- ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М., 1979: *Собр. соч. в 30-и тт. т. 19*. Ленинград: Наука.
- ИВАНОВ-РАЗУМНИК, 1911: *История русской общественной мысли. В 2-х тт.* Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича.
- КИРАЙ Д., 1973: К типологии романического мышления в русской литературе XIX века. *Studia Slavica Hung.* / 1-2, 89–135.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С., 1997: Несвятая Русь. *Максим Горький pro et contra*. Санкт-Петербург: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 844–856.

- МИХАЙЛОВСКИЙ В. Б., 1964: *Горький, Максим. Краткая литературная энциклопедия. т. 2*, Москва: Изд. «Советская энциклопедия», 285–296.
- СЕРМАН И. З., 2013. *Свободные размышления*. Москва: Новое литературное обозрение.
- СИЛАРД Л., 1974: «Мои записки» Л. Андреева. *Studia Slavica Hung.* / 3-4, 271–304.
- ФИЛОСОФОВ, 1997а Конец Горького. *Максим Горький pro et contra*. Санкт-Петербург: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 696–718.
- – 1997в Горький о религии. *Максим Горький pro et contra*. Санкт-Петербург: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 719–725.
- НЕТÉNYI ZSUZSA, 1995: Размышления о роли эсхатологических чаяний в России около 1917 года. *Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire*. Lausanne: Editions L'Age d'Homme, 93–98.
- WALDAPFEL JÓZSEF, 1958: *Gorkij és Madách*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- ЧУКОВСКИЙ К. И., 1997: Максим Горький. *Максим Горький pro et contra*. Санкт-Петербург: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 818–827.
- ЧЕРВЯКОВСКИЙ С. А., 1981: Повесть «Жизнь ненужного человека». *М. Горький и проза XX века. Горьковские чтения 1981 г.* Горький: Изд. ГГУ, 80–83.